

Революция и переворот

Почему имеет смысл спорить о понятиях

Николай ЩЁКИН,
кандидат философских
наук, доцент

Владимир НОВИКОВ,
кандидат философских
наук, доцент

В недавно изданной книге «Мысли вслух» известный ученый, политик, дипломат и общественный деятель академик Е. Примаков обращает внимание на то, что в российской политической литературе все чаще называют события Октября 1917 года «переворотом». Причем этот термин используют не только политики правооппозиционного толка, но и ученые-политологи. Между тем, продолжает автор, различие в определениях событий как революции или переворота имеет большое значение для понимания исторического пути России. Да и не только ее.

Одновременно в публицистической и даже научной лексике широко используются понятия «мягких», «бархатных», «цветных» и «сетевых» революций. Возникает вопрос: не произошла ли своеобразная «революция» в лексике самого обществознания, и не девальвировался ли характерный для марксистской философской традиции смысл данного понятия?

Поставленные вопросы, учитывая, что облаченные в слова идеи способны объективироваться и влиять на действия людей, имеют не только сугубо теоретический, но и актуальный социально-практический характер. Это порождает необходимость уточнения понятия социальной революции.

Прежде всего, определяя сущность революции, сошлемся на слова В. Ленина – не только теоретика, но и практика революционного движения, согласно которым «революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше...» [1, с. 222]. Очевидно, что революции происходят не случайно. В связи с этим выделим способствующие им процессы, анализ которых лег в основу некоторых современных концепций социальной революции. Чаще всего именно их рассматривают в качестве основных, ведущих к революциям, процессов.

Во-первых, это – процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Он стал предметом анализа английского экономиста XIX века Т. Мальтуса, сформулировавшего закон убывающего плодородия почвы, из которого следовало, что нехват-

ка жизненных благ способна приводить к острым социальным конфликтам. Смягчить эту диспропорцию и помочь справиться с проблемой, по его мнению, способны войны, эпидемии и аскетическое воздержание. Не давая этической оценки этим соображениям автора, отметим лишь, что в какой-то мере учение Мальтуса характеризует особенности исторического развития аграрных обществ.

Вместе с тем существует более широкий взгляд на отмеченную проблему, согласно которому источником революционных потрясений является крайняя неудовлетворенность масс возможностями реализации своих не только биологических, но и социально-психологических потребностей. Так, один из классиков русской и американской социологии XX века П. Сорокин писал, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения». По его мнению, подавление основных импульсов деятельности побуждает людей искать пути выхода из этой ситуации, отключая те «тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т.п.» [2, с. 272, 274].

Говоря о современных версиях данной концепции, обратим внимание на то, что в них фактор демографического роста также используется достаточно активно. При этом важно, что акцент делается не только на росте численности населения и производстве продуктов питания. Речь идет об увеличении достаточного для комфортного существования человека объема ресурсов, что, согласно мнению ряда аналитиков, представляет очень серьезную проблему. В частности, в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» отмечается, что в ближайшие 10–20 лет рост мировой экономики и полутрамилиардный прирост населения могут привести к недостатку ресурсов, а следовательно, к радикальным изменениям в мире [3].

Во-вторых, это – нарушения в воспроизводстве элиты. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В. Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обуславливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться революция.

Так, авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты в Новое и Новейшее время, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. В частности, П. Турчин, изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус и которые поэтому стремятся к насильственному переустройству общества.

По его словам, демографическое напряжение и нестабильность, считающиеся в мальтузианской концепции основными объясняющими революции аргументами, все же недостаточны. Проблема в том, что демографический рост влияет также на элиту и государство. Об этом свидетельствует история Английской буржуазной револю-

ции 1642 года: «За то время, что население Англии выросло в два раза, количество разного рода элит выросло еще быстрее – в три раза. Так, между 1540 и 1640 годами число пэров увеличилось с шестидесяти до ста шестидесяти, а численность простого дворянства («джентльмены») – от пяти тысяч до пятнадцати тысяч. То есть правящий класс рос заметно быстрее, чем население. Верхушка социальной пирамиды стала тяжелее, а общая конструкция – менее стабильной» [4]. В итоге в Англии углубляется социально-экономическое расслоение, причем не только увеличивается пропасть в доходах и образе жизни между бедными и богатыми, но и усиливается конкуренция в борьбе за источники финансирования (и, следовательно, подтверждение своего элитного статуса) между различными группировками в самой дворянской среде. Все это, по мнению сторонников данной концепции, предопределило английскую революцию.

В-третьих, это – превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, движение широких

ОБ АВТОРАХ

ЩЁКИН Николай Сергеевич.

Родился в 1972 году в г. Минске. В 1997 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета. В 2000 году окончил аспирантуру факультета философии и социальных наук БГУ.

С 1999 года работает в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. С 2009 года – директор Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Кандидат философских наук (2003), доцент (2005).

Автор более 60 научных работ.

Сфера научных интересов: проблемы социальной философии, идеологии, вопросы цивилизационной динамики христианства, истории религии, философии истории, истории становления и эволюции церкви, генезиса христианской литургии, конфессиональных отношений.

НОВИКОВ Владимир Тимофеевич.

Родился в 1949 году в г. Старые Дороги Минской области.

В 1971 году закончил философское отделение БГУ. После окончания аспирантуры в 1976–1985 годах работал на различных должностях в Минском медицинском институте, в 1985–1991 годах – в Минской высшей партийной школе и Институте политологии и социального управления. С 1991 года – доцент кафедры философии и методологии науки БГУ. Кандидат философских наук (1978), доцент (1984).

Автор и соавтор более 150 научных работ, в том числе монографий, статей, учебных и учебно-методических пособий.

Сфера научных интересов: философия истории, политическая философия, философия цивилизаций, философия и методология социально-гуманитарного познания.

масс народа способно порождать экономическую и политическую нестабильность и вести к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер. Об этом писал, например, один из общественных деятелей русской эмиграции П. Струве: «В нашей революции 1917 г. идеи играли роль случайных украшений, орнаментальных надстроек над разрушительными инстинктами и страстями. Социалисты (коммунисты) желали воспользоваться этими инстинктами и страстями как рычагом осуществления своего идеала, а массы воспринимали идею социализма как санкцию своих стремлений, не желая вовсе ограничивать этих последних во имя идеала» [5, с. 471].

Фактор массы, толпы сыграл свою роль и в «цветных революциях» на постсоветском пространстве. В частности, по мнению известного российского политолога Г. Павловского, высказанному им в программе «Эксперт» радиостанции «Эхо Москвы» 19 января 2010 года, «это российская иллюзия, что украинская политика так уж сильно персонифицирована. И когда мы смотрим просто на чужое поле, нам всегда кажется, мы видим незнакомые какие-то профили, и нам кажется, что они есть действующие

лица. В основном это не так, и в 2004 году Майдан сделали силы, а не отдельные люди, не отдельные политики».

В-четвертых, это – исчерпание эволюционных возможностей в менталитете общества и, как следствие, вызванные экстремальными ситуациями мутации характерной для общества культурной традиции. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции 1917 года в России, Н. Бердяев упоминал «диктатуру мирозерцания». По его словам, «Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции – традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях». При этом роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе» [6, с. 99, 101].

Более того, по мнению некоторых мыслителей, подобные культурные мутации сопровождали всю русскую историю, что дало возможность известному поэту и художнику М. Волошину лаконично отразить ее механизм: «... Европа шла культурой огня, / А мы в себе несем культуру взрыва...» [7, с. 156].

В-пятых, смысл еще одной версии социальной революции – конспирологической, получившей достаточно широкое распространение не только в публицистической, но и в научной литературе. Лейтмотивом данной версии революции является утверждение, что не объективные, а, прежде всего, субъективные факторы определяют начало революционных действий. Так, известный российский политолог и публицист В. Никон, говоря о революции в России в феврале 1917 года, настаивает на том, что объективных причин для нее в стране не было [8]. По его мнению, эта революция в своей основе – государственный переворот, являющийся проектом либерально настроенной элиты, во главе которой стоял непримиримый противник самодержавия лидер либеральной партии октябристов А. Гучков, который, однако, не имел долгосрочной программы осуществления либеральных реформ. Тем

не менее, умелая организационная работа как в массах и среде либерально ориентированной интеллигенции, так и среди членов Думы и Госсовета, военного ведомства, земского и городского самоуправления способствовала социальному взрыву.

Подобного рода взгляды не единичны. В частности, профессор Санкт-Петербургского университета Б. Миронов также отмечает, что «Февральской революции предшествовали десятилетия революционной пропаганды... Выступления рабочих и солдат, которые обеспечили победу революции и которые долгое время считались стихийными, на самом деле долго и тщательно готовились: от замысла, созревшего осенью 1915-го, до его реализации прошло полтора года. Рабочие провоцировались на забастовки намеренным закрытием предприятий; со стороны заводской администрации бастующих ждало сочувствие и вознаграждение. Каждому солдату, вовлеченному в военную организацию, ежедневно отпускалась из «революционного фонда» значительная сумма денег» [9].

Справедлива ли такая интерпретация событий 1917 года? С ней, например, не согласен российский историк профессор Я. Нефедов, считающий, что «ни либералы, ни левые партии не имели никакого отношения к этому бунту, это была стихийная «революция без революционеров». Гучков, который пытался организовать какой-то заговор, потом признавал, что у него ничего не получилось. Он признавал, что революция стала результатом не «работы каких-то замаскированных заговорщиков», а «стихийных исторических сил». Керенский свидетельствует, что вечером 26 февраля собралось Информационное бюро левых партий. На этом собрании все присутствующие категорически доказывали, что революция невозможна. А утром разразился грандиозный солдатский бунт».

Казалось бы, авторы высказывают противоположные точки зрения, но с философско-методологических позиций речь идет об одном и том же – о роли субъективного фактора в революции. «Крестьяне-солдаты требовали земли и мира, – продолжает далее Я. Нефедов, – но Временное правительство тянуло время. Оно постоянно откладывало решение вопроса о разделе помещичьей земли между крестьянами. А большевики обещали землю и мир, в ре-

зультате в начале октября петроградский гарнизон попросту отказался подчиняться правительству. Осознав угрозу, 24 октября Предпарламент постановил немедленно передать землю крестьянам и начать переговоры о мире. На следующий день на открытии съезда Советов лидер меньшевиков Дан размахивал этой бумагой, призывая не допустить восстания. Но было уже поздно: ему не верили» [10].

Если в концепции В. Никонова субъективный фактор представлен персонифицированно и активно: А. Гучков и либеральные слои общества в целом, то во втором случае – персонифицированно, но пассивно: Временное правительство. То самое правительство, которое оказалось не в состоянии решать ставшие судьбоносными для отечества задачи и тем самым способствовавшее перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Было бы неверно абсолютизировать значение субъективного фактора в социальной деятельности, но не менее неверно (и опасно в реальной политике) недооценивать его. Тем более в современных условиях, когда возможности формирования общественного мнения и манипулирования им значительно увеличиваются. Это касается как роли внутренних, так и внешних субъектов провоцирования организованных выступлений социальных групп. В связи с этим не лишен смысла остроумный ответ на вопрос: «Почему в США невозможна «цветная революция»? – «Потому, что там нет посольства США».

В-шестых, это – кризис в осуществлении модернизации политической системы, направленной на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающей все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели осуществления: «типовая», «догоняющая», «частичная», «тупиковая». Последняя связана с игнорированием причин возникновения локального политического конфликта и возможностью перерастания его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме социальной революции.

Существуют различные закономерности «тупиковой» модернизации, следствием которой становится социальная революция. Так С. Хантингтон в качестве фактора, формирующего начало революции, называет

противоречие между высоким уровнем активности масс и низким уровнем обновления политических институтов. В свою очередь, известный французский политический мыслитель А. Токвиль вывел кажущуюся парадоксальной закономерность: революции происходят не тогда, когда в обществе плохо и становится еще хуже, а когда в обществе плохо, но становится лучше и хочется, чтобы стало еще лучше. В русской социально-философской мысли близкую мысль высказал Ф. Тютчев в письме А. Блудовой: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, может быть, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению...» [11, с. 183].

О таком «кризисе доверия», характерном для современного мира, говорит Дж. Данн, почетный профессор Кембриджского университета. Он отмечает, что «на данный момент беспокойство за судьбу либеральной демократии вызывают три проблемы, которые, безусловно, можно охарактеризовать как внутренние. Первая – очевидная идеологическая слабость профессиональной представительной политики, которая все чаще вызывает неприятие со стороны граждан и в силу самого устройства занимается сизифовым трудом, пытаясь завоевать признание той общественной категории, которая не приемлет специализации в политике. Вторая проблема – это кризис доверия к модели экономической координации, которая отвергла право государства на экономическое регулирование, заявила, что система саморегулирования свободного мирового рынка действует безотказно, и спровоцировала в итоге масштабную рецессию. Третья проблема, которая куда глубже и которая становится все актуальнее, находится вне человеческой власти. Хотя люди жаждут восстановить контроль над совокупностью непредвиденных последствий собственных поступков, демократия не может сама по себе решить эту задачу. И даже если воспринимать ее как инструмент дробления ответ-

ственности между определенным кругом субъектов (государств и людей), это происходит в условиях, сильно размывающих суть проблемы. Видимо, в мировом капиталистическом обществе для уменьшения этой угрозы потребуется как минимум две совершенно недемократические категории: реальная передача власти, ответственности и возможности принимать решения носителям совершенно особых когнитивных навыков и жесткий внешний контроль неистовых и эгоистических потребностей отдельных лиц» [12].

В-седьмых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе общественного развития. В частности, действие такого объективного механизма отмечено К. Марксом: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [13, с. 7].

Тем самым, как и в развитии общества в целом, так и в осуществлении революционных изменений, объективный и субъективный факторы взаимно дополняют друг друга. Это означает, что социальная революция имеет объективные основания и в этом смысле не является следствием человеческого произвола. С другой стороны, получается, что социальная революция существенным образом зависит от социально-психологического состояния самого общества, а значит, будучи лишь крайней, экстремальной формой социального конфликта, поддается предотвращению и регулированию.

В связи с этим обратим внимание на характеристику диалектической противоречивости всемирно-исторического процесса, данную Гегелем. Именно она служит теоретическим основанием марксистского понимания взаимосвязи объективного и субъективного факторов в осуществлении социальной революции. Вышеприведенные слова К. Маркса о существовании объективного механизма революционных изменений вполне соответствуют гегелевскому пониманию хода истории как «мерной и неотвратимой поступи Мирового духа» и как «крота истории», действия которого воплощают объективную Логическую историю процесса.

Однако классик немецкой философии говорит и об «иронии истории», связанной с составляющей ее субъективный фактор деятельностью людей. В изложении Ф. Энгельса она нашла отражение в письме Й. Блоху: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел...» [14, с. 395–396].

Применительно к революции суть «иронии истории» он выразил в письме В. Засулич: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [15, с. 310].

А теоретико-методологическое значение этого подхода к современной истории означает необходимость видеть за социальными потрясениями интересы реальных субъектов исторического процесса. Не менее важно умение отличать объективно существующие возможности от возможностей формальных, продиктованных складывающейся исторической конъюнктурой, не

▲ Плакат. 1927 год

обольщаясь первыми достигнутыми результатами. В связи с этим отметим, что если все названные ранее процессы являются необходимыми, но все же недостаточными для осуществления революции условиями – они достаточны для бунта, восстания, государственного переворота, – то, согласно К. Марксу, эта ограниченность преодолевается.

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции, касается необходимости более строгого разграничения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции предполагает радикальные изменения, затрагивающие основания социального бытия. Это преобразования не только в политическом строе, но и в системе хозяйства, в культуре – иными словами, во всех основ-

ных сферах общественной жизни, что было свойственно для Октябрьской революции 1917 года в России, коренным образом изменившей экономический уклад и политический строй и затронувшей глубинные основания жизнедеятельности народов многонационального государства.

В XX столетии отчетливо выраженный революционный характер был также свойственен вызвавшим большой международный резонанс и значимым для современного мирового сообщества событиям в Турции и Иране.

Поражение Турции в Первой мировой войне и угроза утраты государственного суверенитета и территориальной целостности инициировали стихийное народное движение против оккупации, лидером которого стал Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк), и которое переросло в освободительную войну, а затем в буржуазно-национальную революцию 1918–1923 годов.

О революционном характере событий свидетельствует тот факт, что претерпело серьезные изменения государственно-политическое устройство общества – был упразднен султанат, Турция была объявлена республикой, а решение о ликвидации халифата окончательно зафиксировало уничтожение старой политической системы и создание национального государства. Экономическая политика приобрела этатистскую ориентацию, предполагая ограничение сферы деятельности иностранного капитала и укрепление позиций турецкой национальной буржуазии на основе мер протекционизма. Была также проведена аграрная реформа, но роль в экономике отводилась ее промышленному сектору.

Качественно иной характер имела революция в Иране в 1979 году, во многом явившаяся реакцией исповедующих ислам народных масс и духовенства на политику шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви, проводившего курс на модернизацию страны по образцу США. Эта модель вестернизации предусматривала не только максимальное внедрение механизмов либеральной рыночной экономики, но и, в соответствии с ней, последовательную секуляризацию общества, уменьшение роли церкви в его жизни.

В итоге революционных событий произошли глубинные изменения в государственном и политическом устройстве – вместо конституционной монархии Иран

был провозглашен Исламской республикой. По словам публициста Ю. Каграманова, политическая модель, выстроенная аятоллой Хомейни и предполагающая своеобразное сочетание демократических институтов с теократией, оказалась жизнеспособной. Согласно конституции Ирана, верховную власть в стране осуществляет духовное лицо, которое выдвигает из своей среды высшее духовенство, однако остальные институты государства особенно не отличаются от западных.

Серьезные сдвиги произошли и в экономическом устройстве иранского общества. Провозгласив собственный путь развития и непринятие влияния на него Запада, руководство страны заявило о приоритете трех форм собственности – государственной, кооперативной и частной. При этом признается важная роль свободного рынка, контролируемого государством, с учетом национально-религиозных традиций.

Своеобразие социальной революции в Иране, затронувшей все сферы общественной жизни, по мнению Ю. Каграманова, состоит в том, что именно возвращение ислама придало иранскому обществу динамизм. Главную идею революции 1979 года, как он считает, можно, наверное, сформулировать так: «Сначала ислам, а потом все остальное». Но инициаторы революции понимали, что именно «все остальное», то есть весь круг земных задач, представляет для них наибольшую сложность. Недаром своей целью они поставили не только «возвращение веры», но и создание «новой исламской цивилизации» [16].

С другой стороны, процессы, зачастую именуемые социальными революциями, таковыми по сути не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 года, в которых главными действующими лицами была оппозиционно настроенная молодежь. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не инспирированные государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе.

Не менее метафоричным является использование термина «сетевые революции». Говоря о факторах, способствовавших активным политическим сдвигам в арабских

странах в 2011 году, Е. Примаков отмечает, что эти события во многом продиктованы недооценкой со стороны властей влияния модернизации на общество в арабском мире, особенно на молодое поколение: «Общение по Интернету, мобильным телефонам дали возможность «сорганизоваться» для выхода на улицу тем, кто негодовал по поводу бедности, безработицы, ущемления демократии, коррупции». Интернет-ресурсы, в частности проведение серии имевших остро критический характер интернет-форумов, активно использовались в организации имевших видимость стихийных протестных, а затем и насильственных акций в Тунисе, Египте, Йемене и ряде других арабских стран. В частности, после начала событий в Тунисе, в Египте молодежное «Движение 6 апреля», насчитывающее около 70 тыс. человек, объединенных главным образом социальными сетями Facebook, Twitter и YouTube, прибегло к онлайн-активности, призывая включиться в антипрезидентские демонстрации [17, с. 191–193].

В этом смысле сетевой ресурс является не больше чем одним из средств осуществления возможных революционных преобразований, но не выражает их сущности – его роль в этих процессах сугубо инструментальная. Или, как заметил М. Нелсон, специалист по изучению влияния Интернета на социум, работающий в Джорджтаунском университете, «в конечном счете, не Интернет вызывает революцию, но он способствует ей, точно так же как изобретение печатного станка в XV веке помогло распространению протестантской Реформации в Европе, облегчив обмен информацией» [18]. Но значение Всемирной паутины нельзя и принижать, поскольку речь идет о весьма эффективном информационном оружии нового поколения. Причем оружие обоюдоостром. Как иронично подметил известный публицист М. Соколов, если в феврале 2011 года Х. Клинтон лестно высказывалась о «твиттер-революции», то уже в августе того же года британский премьер Дж. Кэмерон гораздо менее восхищался попыткой ее в Альбионе, сопровождавшейся грабежами и погромами [19].

В целом же в полной мере судить о том, какой характер социальной, национально-освободительной или политической революции, государственного переворота или какой-либо другой формы имеют радикаль-

ные изменения общества, можно лишь по истечении времени. Неслучайно существует сентенция, согласно которой революцией называют переворот, который удался. Следует добавить – удался в том смысле, что действительно произошли кардинальные, затрагивающие основы общественной жизни изменения.

В заключение отметим, что статус революций в обществе амбивалентен: с одной стороны, они являются мощным фактором обновления, выступая, по словам К. Маркса, в роли «локомотивов истории», с другой – революции для рядового человека всегда означают серьезные испытания и лишения. Предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять преобразование общества. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 44. – М.: Политиздат, 1970.
2. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992.
3. Будущее глазами шпионов // Эхо планеты. – 2009. – № 42. – 13–19 нояб.
4. Быков, П. Накануне великой революции США: опыт строительства империи / П. Быков // Эксперт. – 2008. – № 42 (631) – 27 окт.
5. Струве, П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П.Б. Струве // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991.
6. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990.
7. Волошин, М. Избранное: стихотворения, воспоминания, переписка / М. Волошин. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993.
8. Никонов, В. Крушение России / В. Никонов – М.: АСТ: Астрель, 2011.
9. Механик, А. Триста лет – полет нормальный / А. Механик // Эксперт. – 2008. – № 43 (632). – 3 нояб.
10. Механик А. Инновации победили Мальтуса / А. Механик // Эксперт. – 2011. – № 43 (776). – 31 окт.
11. Тютчев, Ф.И. Сочинения: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – Т. 2. – М.: Правда, 1980.
12. Модернизация демократии // Известия. – 2010. – 9 сент.
13. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959.
14. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 37. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1965.
15. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. – М., Госполитиздат, 1951.
16. Каграманов, Ю. Вокруг «иранской идиомы» / Ю. Каграманов // Дружба народов. – 2009. – № 12. – С. 141–152.
17. Примаков, Е.М. Мысли вслух / Е.М. Примаков – М.: Российская газета, 2011.
18. Ивановский, А. Время «сетевых революций» / А. Ивановский // «Столетие»: интернет-газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/vrema_setevyh_revolyucij_2011-03-16.htm. – Дата доступа: 28.12.2012.
19. Соколов, М. Боевое управление XXI века / М. Соколов // Эксперт. – 2012. – № 23 (806). – 11 июня.